

Куба – любовь моя. Глава семнадцатая. Рабочие споры

В 2020 году продолжаем публиковать оставшиеся главы воспоминаний инженер-геолога Николая Афанасьевича Самуся о его работе на Кубе 1980-х годах. В этих воспоминаниях много личного, не связанного с профессией. Ведь специалистов тогда приглашали не на один месяц, с собой разрешали перевозить всю семью. Поэтому предлагаемый рассказ интересен скорее с точки зрения истории. Но и для профессионалов найдутся полезные главы, рассказывающие об особенностях работы российских инженер-геологов за рубежом.

Николай Афанасьевич Самусь
ООО «ГеоСИМ»

8 июня в 10 вечера тихий стук в дверь квартиры. Пока одеваю шорты (резал маску в плавках, жарко) – стук более настойчивый, потом – требовательный. Приоткрываю дверь – молодая испанка лет 25 в бордовом вечернем платье, с чёрной сумочкой под рукой, хорошо причёсанная, улыбается, жестом показывает, что просит разрешения зайти. Отрицательно качаю головой и кивком как бы спрашиваю, что хочет? Диалог: - Usted Nikolay? (Вы – Николай?). Голос низкий, сипловатый. Вскидываю брови, не отвечаю. Вопрос повторяется громче, потом ещё раз. Que paso? (что случилось?) – это уже я спрашиваю со своим знанием испанского. Usted Nikolay? - Que paso? Снова повторяет своё, и я закрываю дверь. Была она одна, или ещё кто стоял на лестнице – не знаю, мне не было видно. Кто-то навёл весть, сообщил

даже имя. Видимо, в поселковой офисине, там всё было известно о перемещении наших специалистов и членов их семей.

Через несколько дней в выходной стою на 5-й авениде на остановке, жду автобус. Подходит кубинка лет 30–35. Спрашивает, насколько я понял: скучно без жены? Потом объясняет: Нужен временно свободный «советико». Отвечаю: Имею жену. - Нет, она уехала. Делаю останавливающее движение ладонью, и на этом разговор заканчивается. Следили персонально?

Пока работал один в группе – работы было много, по всем вопросам, кроме геодезии, кубинцы обращались ко мне. Работой я не тяготился, напряжение было не больше, чем обычно при работе у себя в Волгограде. Вместе с тем это была и школа. Например, надо написать письмо от имени поставщика в Москву. Сергеев поручал мне, поскольку больше некому. Готовил, иногда получалось длинновато, на страничку машинописного текста. Поставщик тут же письмо возвращал с поучением: никто в Москве больше полстраницы вашу писанину читать не станет. Ужась! И точно, научился писать не более 2 абзацев и не более полстраницы.

Помню казус в группе уже после прибытия почти всех главных специалистов. Приехал из ГКЭС Александр Сергеев, собрал всех и поручил написать письмо от поставщика по какому-то объекту. И уехал. Все принялись писать по своим направлениям, кажется, Безгин свёл всё в одно письмо около 3 страниц. Я сказал, что много, надо ужать, но никто не соглашался, чтобы резали «его» текст. На следующий день Сергеев приехал, глянул, не читая, отвёл меня в сторону и спросил: ты что, забыл, как надо писать? Я возразил, что в этот раз он мне не поручал ничего. В таком случае сядь и напиши, как надо, был ответ. Делать нечего, я просмотрел всё написанное, и за полчаса написал. Сергеев тут же отдал машинистке, она напечатала, а черновик подшила в «дело». После отъезда Сергеева и некоторого шушуканья и взглядов в мою сторону, ко мне обратились почти все главные специалисты с претензией, по какому ПРАВУ я переделал письмо? Я ответил коротко, пересказав слова «тут же сесть и переписать, как надо», напомнив, что предупреждал, почему писать надо коротко. Все недовольные разошлись, больше вопрос не поднимался. Только Ангелина Банникова не стала после этого со мной ни разговаривать, ни здороваться. Пронаблюдав за этим с неделю, я зашёл в её комнату в офисе, когда там больше никого не было, сел перед ней, улыбаясь, спросил: ну что, может, хватит дуться? Начался конструктивный разговор, во время которого она вначале высказалась, что не привыкла, чтобы её так «правили». Почему я не поставил всех в известность? Я ответил, что не было времени: на всё мне Сергеев отвел полчаса, что было правдой. Потом сказала: Понимаешь, Николай, я – лидер! Я привыкла руководить, и чтобы со мной считались. Не люблю, когда мужики млямлят... Отлично, сказал я, значит, вы знаете, что такое дисциплина. И если вам завтра руководитель скажет что-то сделать, вы сделаете, а не броситесь согласовывать со всеми, если твёрдо сами знаете, что надо делать. В итоге мы разошлись нормальными коллегами

После приезда новых специалистов были выезды группой на пляжи Хибакоев, Варадеро, во время которых я как бы обучал ребятшек новых специалистов охотиться на ракушек, на самом деле присматривал за ними, чтобы не допустили какой оплошности. В Варадеро останавливались на ночлег, в основном, в тех же дешёвых деревянных домиках-будочках без всяких удобств, но очень дешёвых. Запомнились две такие поездки. Во время одной из них в Варадеро мы с Женей

Ефименко, сыном нашего главного гидролога, осматривали окрестное морское дно. Вдруг я увидел вдали след, оставленный крупной ракушкой, махнул Жене следовать за мной. Доплыл до конца следа, нырнув, запустил руку в песок и поднял крупную развёртку, самую красивую из виденных когда-либо мной: она уже у меня в руках втянулась в завитую раковину, обнажив великолепную красную поверхность внутренней части крыла. Посмотрев вверх, увидел расширенные от удивления глаза Жени, но отдать ему невиданную красавицу не хватило сил. Правда, эту красоту я же и испортил. Аккуратно вёз в коробке через океан, когда возвращался совсем, и уже в Москве, пытаюсь втиснуть коробку в нишу над дверью в купейном вагоне, услышал треск. Дома обнаружил, что самое красивое крыло было сломано на несколько кусков, без него ракушка потеряла вид.

В другой раз, 5 июля, поехали туда же вместе со специалистами группы в Матансасе. В те дни я находился в затяжной командировке в этом городе и не имел снаряжения для охоты. Один из местных специалистов уступил мне ласты и маску, сославшись на то, что одевать маску ему мешают очки, а без очков он ничего не видит. На «диком» пляже северо-восточнее Варадеро я отделился от основной группы охотников и отправился посмотреть одно примеченное мною ранее «поле» на морском дне. И был вознаграждён: в тот день поднял десятка полтора «зубаток» среднего размера, из них только 6 взял, остальные выбросил обратно в море: показались старыми, обросшими мхом и не красивыми. Когда вернулся на берег, узнал, что мой улов был больше, чем в сумме у всего остального «отряда» охотников, в связи с чем получил комплимент от Безгина. Специалисту, уступившему мне удачливое снаряжение, я предложил выбрать ракушку, какая понравится, и он выбрал оригинальную, с приросшим к ней, как кустик, кораллом. Остальные тоже раздал, оставив себе одну.

Камагуэй, вернее, площадка проектируемых зернохранилища и мельницы в порту городка Карупано, стал одной из постоянных моих забот после 6 февраля 1987 года, когда состоялось совещание в Министерстве пищевой промышленности Кубы, где в присутствии проектировщика из Куйбышева речь шла о программе предстоящих изысканий в Карупано. Здесь я опять напомнил присутствующим кубинским специалистам о необходимости выполнения изысканий по советским нормам, поскольку проектирование объекта будет вестись советскими специалистами по советским нормам. Оскар на совещании признал, что мы последовательно отстаиваем свою «точку зрения». В тот же день состоялась беседа с Оскаром о выполнении испытания грунтов штампами в Карупано. В конце дня присутствовавший главный специалист по инженерной геологии бюро комплексных инженерных изысканий ГСПИ госкомитета по использованию атомной энергии в мирных целях В.С. Соколов заявил, что готов после проверки принять материалы изысканий, выполненных по кубинским нормам. Я тут же потребовал, чтобы он записал всё это в протокол, сделать это он не рискнул. Тут же была назначена проверка результатов лабораторных испытаний, выполненных по кубинским нормам, которая в течение следующего дня показала, что имеются существенные различия в технологии лабораторных исследований прочностных и деформационных свойств грунтов по кубинским и советским нормам. При этом было обращено внимание, что на практике нарушались и кубинские нормы, то есть, изыскания выполнялись произвольно, без соблюдения каких-либо правил.

В Пуэрто Карупано проектировались силосы-зерносклады высотой до 60 метров по типу наших элеваторов, сооружений такого размера видеть за время пребывания на Кубе мне не пришлось. Зерносклад и мельница располагались на берегу залива в Карупано, в их основании до глубины 60 метров находились сравнительно молодые (неогеновые) морские глины с прослоями калькаренитов. Да ещё надо было учесть постоянное скачкообразное изменение нагрузок под силосами в связи с их периодической опорожняемостью и быстрой полной загрузкой.

Рис.1. Похоже на Америку, но это – Куба

Рис. 2. Местный колорит

В связи с тем, что для таких сооружений по советским нормам требовалось выполнение опытно-полевых исследований, кубинские специалисты предложили ограничиться опытно-фильтрационными работами (откачками). На мой вопрос, для каких целей это будет делаться и как результаты этих дорогостоящих исследований повлияют на безопасность сооружения, внятного ответа и быть не могло. Я поставил вопрос о необходимости в первую очередь проведения испытаний сжимаемости грунтов штампами. Кубинцы в ответ предложили выполнить испытание грунтов статическими нагрузками на буронабивные сваи, на что я ответил, что сначала надо выполнить общую часть изысканий, и только если будет окончательно принят свайный вариант фундамента, определится глубина погружения свай, тогда такие испытания действительно могут потребоваться. Начались длительные переговоры, которые в итоге закончились испытаниями штампом, при этом было поставлено условие, чтобы я присутствовал на первом испытании, «чтобы обучить персонал». Я сразу согласился, понимая, что меня пытаются подловить на незнании практического исполнения, что было ошибкой моих кубинских партнёров. Переговоры и консультации стали более конкретными после появления в ЭНИИ геотехника Артуро Гонсалеса. Первая встреча с ним имела место в Гаване 14 апреля, потом контакты с ним стали частыми, включая совместные командировки в Камагуэй и Карупано.

Одна такая поездка состоялась с 11 по 15 июня 1987 года. Обстоятельства «сложилось» так, что я вынужден был ехать без переводчика. Поселились в Пуэрто-Падре в гостинице «Кампана». 12 июня при мне бурили скважину под штамп, зачистили забой, установили штамп, после чего бригада бурильщиков отправилась в Камагуэй на выходной, а бригада геотехников под руководством Артуро с утра 13 июня приступила к выполнению опыта. Начали в 8.35 утра, а закончили полностью

только в 8.40 вечера, уже при искусственном освещении (на Кубе даже в июне разница длительности дня и ночи небольшая: сказывается близость экватора). Обед привезли прямо на место проведения опыта. После обеда приехали на площадку представитель заказчика и журналист. Сначала на вопросы журналиста отвечали представитель заказчика и Артуро, а когда дошла очередь до меня, я отвечать на вопросы отказался, сославшись на то, что без переводчика не очень чётко понимаю вопросы. Конечно, к концу дня все заметно устали, но на предложения прекратить опыт, не доведя до последней нагрузки по программе, я ответил категорическим отказом и не встал со своего места у приборов к неудовольствию геотехников. Зато, когда я объявил «фин трабаха» (конец работы), все сильно обрадовались и забыли про недовольство.

На следующее утро, поскольку был выходной день, всей бригадой поехали на пляж на побережье Мексиканского залива. К нашему приезду в воде и на берегу находилось уже с полсотни кубинцев. Маска, трубка и ласты у меня были с собой, я принялся обследовать дно окрестностей. Нашёл две неизвестные мне ракушки с широким раструбом, но вернул их в море: показались плохого качества, не красивые. Возвращаясь к берегу, заметил на песчаном дне небольшого ската-хвостостола, проследил, как мастерски он, вибрируя всем телом, закапывается в песок возле зарослей травы на морском дне. Познания мои испанского языка были слабыми, тем не менее я рассказал Артуро об этом скате. Выражения его лица с благодушного стало озабоченным, он взял мои маску и ласты, поплыл на место, где я заметил ската, после возвращения громко произнёс пару слов по-испански, и море за полминуты опустело, все оказались на берегу.

На пляже совсем незнакомые кубинцы подходили посмотреть на единственного здесь «советико», которые в этой глуши бывали, видимо, не так часто, очень дружелюбно задавали вопросы, чувствовалось доброжелательное отношение. В гостинице вечером состоялся интересный разговор с Артуро, который всё пытался выяснить, правда ли, что в Советском Союзе принято целоваться между мужчинами. На мой отрицательный ответ он сослался на Брежнева, на что я, со своим бедным испанским словарным запасом, нашёл в ответ только одно слово: «Маразм!», тем самым сильно удивив Артуро.

Продолжение следует.